
Н.Е. Тихонова, В.А. Аникин, С.В. Горюнова, Ю.П. Лежнина
(Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА¹

В статье рассматривается развитие концепции модернизации в XX в., а также обобщаются результаты работ российских ученых, посвященных проблеме модернизации России, в частности, социокультурной модернизации.

Ключевые слова: концепция модернизации, социокультурная модернизация, эпоха модерна, эпоха постмодерна, социокультурная трансформация, культура «модернити», традиционный тип личности, модернизированный тип личности.

Развитие концепции модернизации в работах зарубежных авторов

В период между Первой и Второй мировыми войнами, **на втором этапе** существования концепции модернизации, интерес

Наталья Евгеньевна Тихонова – зам. директора Института социологии РАН, доктор социологических наук, профессор ГУ–ВШЭ. E-mail: netichon@mtu-net.ru.

Василий Александрович Аникин – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: vazs@mail.ru.

Светлана Владимировна Горюнова – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: texasgirl@bk.ru.

Юлия Павловна Лежнина – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: lezhnina@mail.ru.

¹ Продолжение. Начало см. в № 24 («Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX – начала XX вв.»). Статья подготовлена в рамках проектов № 06-04-0043 (Научный фонд ГУ–ВШЭ) и № 06-03-00558а (РГНФ).

к ней значительно ослабевает. В это время возникает Советский Союз, а с ним и «второй мир», которые противостоят наиболее развитым странам Запада. *Оппозиция традиционных и современных обществ утрачивает свою актуальность, и на смену ей приходит оппозиция «двух систем»* – капиталистической и социалистической. Но уже в 1950-е гг. проблематика модернизации вновь выходит на авансцену и начинается **третий этап** развития концепции модернизации. Инициаторами этого выступает группа американских социологов-функционалистов, с работами которых и стала ассоциироваться для многих концепция модернизации как таковая.

Проблематика модернизации в этот период связана уже не с переходом западноевропейского общества от одного этапа своего развития к другому, как в работах классиков социальной мысли предыдущего периода, а с разделением мира на развитые индустриальные (США, Западная Европа), социалистические и постколониальные страны «третьего мира». Пытаясь объяснить причины отставания последних, малоэффективности в них многих социальных институтов, характерных для западноевропейских обществ, и получить ответ на вопрос о том, каким образом они могут достичь уровня развития, сравнимого с западными странами, американские социологи дали «второе дыхание» концепции модернизации.

В этот период широкую известность получили работы М. Леви, Т. Парсонса, Н. Смелзера и др., впоследствии нашедшие свое продолжение в *теориях конвергенции*, связанных с именами Ш. Эйзенштадта, К. Керра, С. Хантингтона, У. Росту и др., которые концентрировались в большей степени на разрыве между «первым» и «вторым» миром. Модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые и благотворные процессы, т.е. теории модернизации периода 1950–1960-х гг. формировались как нормативные и рассматривали западный тип общества («первый мир») как некоторую цель, к которой должна стремиться каждая страна [1; 2].

Движение к этой цели с точки зрения теоретиков модернизации тех лет было линейным и проходящим через ряд одинаковых для всех этапов. Так, к примеру, У. Ростоу [3, с. 91–92] предложил модель движения к социетальной и экономической модернизации путем смены ряда стадий: традиционное общество (аграрное производство), транзитная стадия (научные и технологические открытия), всплеск (take-off), стадия зрелости (консолидация производства, основанного на инвестициях, и фабрик), стадия массового потребления. У. Ростоу связывал прогресс с распространением рационального целеполагания и увеличением доли рациональных социальных институтов. Модерн, в этом смысле, являлся для него наиболее рациональным типом общества из существовавших когда-либо. Рациональность организации общества модерна в целом является и характеристикой сознания членов такого общества. Таким образом, У. Ростоу, как и многие другие теоретики 1950–1960-х гг. вслед за классиками социологии, подчеркивал значимость для модернизации ее социокультурной составляющей, формирования нового типа мышления и новых ценностей.

Характерно для рассматриваемого нами периода и существование подходов, определяющих модернизацию с точки зрения сущности самого процесса, выделения его объективных особенностей, во многом систематизирующих и дополняющих взгляды классиков социальной мысли прошлого на эту проблему. Так, Н. Смелзер описывал модернизацию как комплексное, многомерное смещение, охватывающее шесть областей [4, с. 174]. В экономике его характеризует появление новых технологий, движение от сельского хозяйства как средства к существованию к коммерческому сельскому хозяйству, замена использования мускульной силы человека и животных «неодушевленной» энергией и механизмами, распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере наблюдается переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократичес-

кого правления. В сфере образования признаками, индикаторами этого процесса выступают ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной сфере модернизация проявляется в освобождении от влияния церкви; в области семейно-брачных отношений – в ослаблении внутрисемейных связей; в области стратификации – в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения. Признаками модернизации на микроуровне, в сфере культуры для Смелзера было осознание людьми ценности знаний и квалификации, личного успеха.

Набор признаков модернизации применительно к различным сферам общества рассматривал и Ш. Эйзенштадт [5]. В социальной сфере, по его мнению, модернизация выражается в высокой дифференциации, специализации, умножении социальных ролей, выполняемых индивидами. В экономической сфере модернизация сопровождается технологическим ростом, который стимулируется систематическим применением научных знаний, развитием вторичных и третичных отраслей экономики за счет сокращения значения первичных (добывающих). В политической сфере критериями модернизации являются диффузия власти по направлению к более широким слоям населения, признание ответственности правительства перед гражданами. В сфере культуры, которая и у него не осталась без внимания, для модернизации характерны дифференциация главных элементов культурных и ценностных систем, распространение образования, становление новой культурологической парадигмы, акцентирующей внимание на прогрессе, усовершенствовании, эффективности, успехе, естественном выражении своих возможностей и чувств, на индивидуализме как особой ценности, а также появлении новых индивидуальных ориентаций, привычек, характеристик.

На социокультурной составляющей модернизации акцентировал внимание и С. Хантингтон. Согласно его определению, «мо-

дернизация включает в себя индустриализацию, урбанизацию, растущий уровень грамотности, образованности, благосостояния и социальной заботы, а также более сложные и многосторонние профессиональные структуры» [6]. Впоследствии П. Штомпка дополнил его список такими параметрами, как распространение индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки и т.д. [4, с. 170].

Тем самым теоретики середины XX в. значительно расширили список признаков обществ традиционного типа и, соответственно, обществ модерна прежде всего за счет включения в их число ряда характеристик, связанных с технологическими и политическими аспектами, и третий этап развития концепции модернизации (1950–1960-е гг., а отчасти и последующие годы, когда разработка концепции модернизации продолжалась на фоне ее массивной критики) привел к относительно большей систематизированности критериев модернизации.

В то же время расширение концептуальных представлений о модернизации сопровождалось потерей ею своей глубины – К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис и другие классики социологии, работавшие с этой концепцией ранее, видели неоднозначность и противоречивость перехода от обществ традиционного типа к обществам модерна. На третьем же этапе своего развития эта концепция заглушывала реальные сложности и противоречия процесса модернизации и не уделяла должного внимания многообразию моделей и путей последней.

Навязывание некоего эталона развития не могло не встретить сопротивления со стороны многих – сопротивления настолько значительного, что попытки насильственно насадить по всем континентам так называемые «демократические режимы» проваливались одна за другой, подчас с тяжелейшими последствиями для народов тех стран, которых пытались «облагодетельствовать» американской моделью демократии. Ответом стала активная критика теорий модернизации в ее «вестернизированной» версии в

1970–1980-е гг. Казалось, что **четвертый этап** в развитии концепции модернизации – этап ее заката. Серьезно критиковались в тот период такие основы теории модернизации, как:

– противопоставление современного общества традиционному, априори рассматриваемому как препятствие экономическому росту;

– однолинейность развития (при качественно разных стартовых возможностях и культурных особенностях различных стран), предполагающее развитие через эволюционные стадии, весьма похожие для всех обществ;

– прямое противопоставление традиции и современности (при реальной интеграции многих черт традиционных обществ в общества модерна и наоборот);

– видение источников, преобразующих сил модернизации либо в элитах стран третьего мира, с которыми обычно и велась «адресная» работа, либо во внешних силах, способных повлиять на ситуацию в других странах через «внедрение» в них капитала или определенных моделей образования;

– игнорирование последствий колониализма и неоколониализма при акцентировании внимания на оппозиции традиционное – современное;

– идея существования в странах «третьего мира» дуалистической экономики и дуалистических обществ, при которых некоторые регионы характеризуются сохранением традиционалистских в своей основе моделей общественных отношений, а другие успешно движутся по пути модернизации;

– нормативный характер, направленность на достижение заданного образца – модели западного (точнее – американского) типа общества, что вело к так называемому зависимому развитию.

Многое в этой критике было оправданно. В то же время в пылу борьбы с реальными недостатками предлагавшейся версии концепции модернизации объектами критики становились подчас и многие интересные идеи. Так, например, перспективной, на наш

взгляд, является идея дуалистичного характера модернизирующихся обществ, и, критикуя попытки вестернизации, не стоит забывать о том более широком звучании концепции модернизации, которое придавали ей классики социальной мысли прошлого.

Новый этап мирового развития, начавшийся в середине 1980-х гг. с крахом «второго» мира, дал теории модернизации новое дыхание, повлекшее за собой, впрочем, и весьма существенное видоизменение самой этой теории, ознаменовавшее собой очередной, **пятый этап** ее развития. Для этого этапа характерен не только *отказ от идеи однолинейного развития мира, но и тесно связанный с этим рост внимания к роли национальных культур в выборе путей модернизации, а следовательно, и перенос акцентов с технологических и политических аспектов модернизации на ее социокультурные аспекты. Способствовало этому переосмыслению сути процесса модернизации и пришедшее понимание того, что модерн отнюдь не «венец истории», что западный мир сам вступает в новый этап своего развития – общество постмодерна, во многом отказывающееся от тех ценностей, которые казались ранее безусловным достижением эпохи модерна (идеи прогресса, экономической рациональности и т.д.).*

Не претендуя на полноту сравнения обществ модерна и постмодерна, мы попытались в табл. 1 систематизировать ряд их особенностей. Такое сравнение позволяет лучше понять специфику нынешнего этапа развития концепции модернизации, проходящего на фоне параллельных дебатов о сути перехода от общества модерна к обществу постмодерна. Более того, и в реальной действительности процессы модернизации, особенно социокультурной модернизации, в ряде стран сопровождаются одновременно протекающим процессом освоения ценностей постмодерна и характерных для него форм жизнедеятельности общества.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭПОХИ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Модерн («индустриальное», «капиталистическое», «экономическое» общество)	Постмодерн («постиндустриальное», «информационно-сетевое», «постэкономическое» общество)
Национальные экономики	Формирование глобального рынка и внетерриториальных систем продвижения товаров и услуг
Производство – основа развития общества	Потребление – основа развития общества
Массовое производство одинаковых вещей (фордизм)	Переход от массового производства к гибким производствам и замещение массового рынка микрорынками
Понимание рабочей силы как данности и вторичного элемента производства	Возникновение понятия человеческого капитала и его динамики
Однолинейность развития мира	Многовариантность развития мира
Иерархия культур с выделением эталонных	Признание равноценности культур
Идея единой культуры общества, объединенной общей системой ценностей; культурная универсализация и ассимиляция	Идея культурного плюрализма и фрагментированности культур даже внутри одного общества, признание субкультур нормой
Вера в будущее, в прогресс	Скепсис в отношении будущего и отрицание прогресса
Вера в познаваемость мира и всемогущие науки	Сомнение в возможностях науки улучшить мир и сужение круга функций науки
Позитивизм как общенаучная парадигма, расчеты и математическое моделирование как ведущие методы анализа	Интерпретивизм как доминирующий подход в социальных науках, нелинейность и вероятностный характер мира, качественные методы исследований

Окончание табл. 1

Модерн («индустриальное», «капиталистическое», «экономическое» общество)	Постмодерн («постиндустриальное», «информационно-сетевое», «постэкономическое» общество)
Классы и вертикальная стратификация как основа социальной структуры общества, самоидентификация через производственный статус	Стили жизни и горизонтальная стратификация как основа социальной структуры общества, самоидентификация через внепроизводственные характеристики
Доверие государству, Welfarestate	Неолиберализм, «разгосударствление» общества, акцент на права и обязанности личности
Потребление как удовлетворение природных потребностей	Потребление как форма самореализации, творчества и легитимный смысл жизни

Как видим, многие особенности модерна, десятилетиями рассматривавшиеся американскими социологами как образец для всего мира, оказываются в новых условиях лишь признаками определенного и уже уходящего для многих обществ в прошлое этапа развития. В этих условиях выглядят вполне логичными попытки пересмотра ряда положений концепции модернизации. Это относится: к представлениям о движущей силе модернизации (вместо национальных элит в этой роли начинают выступать массы, а следовательно, социокультурная модернизация становится предпосылкой успешного развития других ее видов), к трактовке модернизации как процесса навязывания новых «правил игры» элитами массам (а не объективно протекающего процесса изменения условий существования и системы общественных отношений), к идее единственности и эталонности «западной» модели развития и т.д. Теперь при анализе протекания процессов модернизации во внимание принимается и вероятность такого ее исхода, когда негативные последствия неорганической модернизации начинают перевешивать позитивные. Рассматривается возможность преград на пути к обществу модерна в виде институциональной среды и социокультурных особенностей модернизирующихся обществ и т.п. Соответственно общему вектору этих изменений на место концепции *догоняющей модернизации* постепенно приходит концепция *органической модернизации*.

Таким образом от анализа *политической модернизации* с развитием таких институтов как политические партии, парламенты, избирательное право и тайное голосование, *экономической модернизации*, которая помимо индустриализации включает в себя и все углубляющееся разделение труда, растущую роль технологий (в том числе, в сфере менеджмента) и т.д., *социальной модернизации*, которая предполагает рост грамотности, урбанизацию и упадок традиционного авторитета, разворачивающиеся на фоне все бóльшей социальной дифференциации и *культурной модернизации*, включающей секуляризацию, формирование на-

циональных идеологий и т.п. [7, с. 271], концепция модернизация постепенно переходит к изучению процесса *социокультурной модернизации*, которой отводится ключевая роль в «пусковых механизмах» и протекании процесса модернизации в целом. Во главу угла ставятся теперь изменение ценностных систем, формирование новых жизненных установок и индивидуальных жизненных практик, а также новых идеологий, которые были в центре внимания классиков социальной мысли, разрабатывавших эту концепцию на первом этапе ее развития и напрямую связывавших процесс модернизации с формированием нового типа личности, возникающего в результате изменения внешних условий существования и в свою очередь выступающего мощным фактором этих изменений. Так, на качественно новой основе происходит возврат к более глубокому и объемному видению модернизации, характерному для первого этапа развития ее теории.

Итак, *модернизация в неомодернизационном контексте – это протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации*. Последствия этого процесса не обязательно позитивны, а, как и последствия любого общественного процесса, обязательно включают в себя как плюсы, так и минусы. В любом случае, модернизация предполагает в качестве своего условия и одновременно результата формирование нового типа личности, для которой характерно особое сочетание признаков, включающее, по определению П. Штомпки: независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления, внимание к общественным проблемам, способность и желание приобретать новый опыт, веру в науку и разум, устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний.

ний [4, с. 175]. К ним можно было бы добавить и многие другие, о которых уже говорилось выше: это и рациональность мышления, и ориентация на экономическую эффективность, и изменение отношения и мотиваций к труду и т.д.

Все эти свойства способны выступать индикаторами модернизованности сознания индивидов. Если они характерны тем группам населения страны, которые являются основными субъектами процесса ее развития, то можно говорить о существовании предпосылок для успешного завершения социокультурной модернизации и основы благополучного завершения процесса модернизации в целом. Если нет – становится возможен и так называемый «ренессанс фундаментализма». Ведь именно в системе ценностей и норм, разделяемых индивидами на микроуровне, находят своего рода материализацию ценности и нормы, на которых основываются различные социальные институты.

Концепция модернизации в работах российских авторов

Для российских условий проблема модернизации неожиданно обострилась в середине 1990-х гг., когда стало ясно, что все попытки проведения экономических реформ по их либеральному образцу приводят к совсем иным результатам, чем ожидалось их инициаторами. Говоря о причинах такого рода ситуации, один из авторов данной статьи отмечал еще шесть лет назад, что постепенно «начинает ощущаться, что все вполне рыночные, на первый взгляд, элементы российской жизни имеют не просто отдельно взятые дефекты (типа не умеющих работать в рыночных условиях директоров на ряде частных предприятий), а совсем иное системное основание. То есть проблема не в том, что каждое из посеянных “семян” дало на российской почве совсем не то растение, какое из него ожидали получить. Проблема в том, что, посадив березовую рощу, мы вдруг оказались в зарослях камышей» [8, с. 30–31].

При этом одни винят сами «семена», другие – тех, кто их растил, а третьи пытаются разобраться, не в самой ли «почве» тут дело. Не случайно в последние годы появляется так много материалов, авторы которых пытаются через призму разных подходов осмыслить специфику самой российской «почвы». Причем делается это методами различных наук – и психологии, и экономики, и культурологии, и социологии, и религиоведения, что свидетельствует о том, что эта проблема действительно назрела. И постепенно все чаще в анализе этой проблематики начинает использоваться концепция модернизации.

На первый взгляд, применение теории модернизации к России может показаться несколько странным. Уже давно привычным для россиян стало глубокое разделение труда, доминирование индустриального производства, рост в нем роли технологий и т.д., свидетельствующие об *экономической* модернизации страны. Существует и политическая система, предполагающая наличие политических партий, парламента, избирательного права и тайного голосования, что свидетельствует о *политической* модернизации в России. Россияне устойчиво демонстрируют высокие показатели грамотности – 99,8% [9, с. 244]. Усложнение социальной структуры общества и плюрализация интересов различных групп также не могут вызывать никаких сомнений, завершается и процесс урбанизации – три четверти населения страны проживает в разных типах городов. Таким образом, с *социальной* модернизацией, казалось бы, дела также обстоят вполне успешно. Церковь отделена от государства, и процессы секуляризации зашли достаточно далеко, что свидетельствует о развитии процессов *культурной* модернизации.

В то же время протекают эти процессы достаточно странно. Так, если до 1979 г. в стране наблюдался рост численности грамотного населения, то в последнее время он прекратился, и этот показатель остается постоянным при одновременном росте численности молодежи с очень низким уровнем образования или просто неграмотной. Не наблюдается в последние годы и развития процесса

урбанизации, хотя доля сельского населения для индустриально развитой страны в России явно чрезмерна (с 1993 г. соотношение городского и сельского населения остается равным 73 к 27) [9, с. 81]. Вряд ли можно говорить и о завершении политической модернизации России, поскольку наличие устойчивой многопартийной системы в стране весьма проблематично хотя бы уже в силу наличия такого понятия как «партия власти» и тотального недоверия населения ко всем политическим партиям и органам законодательной власти. Что же касается культурной модернизации, то от превращения церковных праздников в государственные, возвращения преподавания основ религиозного мировоззрения в государственные школы и т.п. также заставляет усомниться в ее успешности.

Все это позволяет говорить о серьезных препятствиях для завершения процессов модернизации в России, теснейшим образом связанных с тем, что процесс социокультурной модернизации в ней еще очень далек от своего завершения. Напомним в этой связи, что общинная форма землевладения и организации общественных отношений охватывала подавляющее большинство населения вплоть до столыпинских реформ, проводившихся всего 100 лет назад, что лишь 85 лет назад большинство российского населения было неграмотным, что всего 50 лет назад большинство населения страны проживало в селах и что, судя по социологическим данным, большинство совершеннолетних россиян прошло первичную социализацию в селах и поселках городского типа (см., например, [10]), а ведь переход к либеральному типу культуры занимает не одно поколение и тесно связан с урбанизацией. Кроме того, модернизация – это общественный процесс, экономической основой которого является индустриализация. Россия же в настоящее время черпает свое благополучие в высокой стоимости нефти, которую поставляет на мировой рынок. В итоге в структуре производства все увеличивается доля топливной промышленности, падают доли электроэнергетики, машиностроения и металлообработки, деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности.

О существовании в современной России многих элементов традиционной культуры свидетельствуют и огромная роль неформальных договоров и личного авторитета при тотальном неуважении к «писаному праву», особое отношение к земле (достаточно вспомнить в этой связи, как легко прошла приватизация предприятий и как мучительно пробивает себе дорогу идея частной собственности на землю и природные богатства), неэкономический характер мышления большинства россиян и т.д., о чем одному из авторов этой статьи уже неоднократно приходилось писать, основываясь на материалах ряда эмпирических социологических исследований [8, с. 30–40; 11, с. 34–46; 12, с. 33–45].

Все это говорит о том, что, хотя модернизационный рывок времен И. Сталина ценой огромных жертв позволил вывести страну в число индустриальных держав, но социокультурная модернизация значительно отстала от экономической. В итоге модернизационный рывок России «захлебнулся», а возможности для ускоренного движения к постмодерну, предполагающие как свою основу освоение личностью ценностей модерна, оказались упущены.

В этих условиях попытка применения концепции модернизации все большим числом специалистов к условиям России представляется вполне оправданной и перспективной. Что же из уже сделанного российскими учеными можно рассматривать как дальнейшее развитие концепции модернизации, и какие из полученных ими результатов позволяют лучше понять специфику протекания процессов модернизации в российском обществе?

Прежде чем ответить на эти вопросы, подчеркнем, хотя российскими учеными как для теоретического анализа процессов модернизации в целом, так и для анализа конкретной российской ситуации сделано уже немало¹, единства во взглядах по этому вопросу

---

¹ Объем литературы по этой проблематике столь огромен, что рамки одной статьи не позволяют упомянуть всех авторов, внесших вклад в разработку концепции модернизации. Так, вне нашего анализа остаются интереснейшие работы А. Ахис-

у них нет. Более того, некоторые из них (как, например, В. Ядов, О. Шкаратан и др.) вообще отрицают применимость концепции модернизации к России.

Возможно, такой негативизм связан с тем, что многие сторонники применимости концепции модернизации к российским условиям, например Ю. Вассерман [13], используют ту ее модификацию, которая характерна была для третьего, вестернизированного этапа ее развития вплоть до применения соответствующей терминологии – «догоняющая» модернизация, страна «второго эшелона» и т.д. Р. Нуреев, имея в виду модернизацию, также пишет об эшелонах развития капитализма, причем в качестве стран первого эшелона он рассматривает Западную Европу, а как страны второго эшелона – Восточную Европу, Россию, Турцию, хотя при этом обращает внимание на специфику развития многих институтов в российском обществе [14].

Однако эта позиция постепенно подтачивается приходящим осознанием роли социокультурной модернизации, понимание которой неизбежно означает переход от идеи догоняющей модернизации к модернизации органической. Интересна в этом плане эволюция позиций Е. Ясина, наиболее ярко выражающего взгляды целой группы либерально ориентированных экономистов. Модернизация российской экономики увязывается ими с идеей повышения конкурентоспособности страны в условиях глобализирующейся экономики [15]. Однако если в середине 1990-х гг. в центре их внимания находилась экономическая модернизация России, то постепенно, по мере осознания роли соответствующих ограничений для развития экономики, акцент стал переноситься сначала на проблемы институционального развития, а затем и на

зера, Н. Наумовой, В. Федотовой и многих других исследователей, поскольку мы сосредоточили свое внимание прежде всего на тех работах, где представлены данные эмпирических исследований или анализируется связь экономической и социокультурной модернизации.

проблему освоения новой системы ценностей и формирование рационального, «экономического» человека. Именно решение последней задачи является с их точки зрения ключевой особенностью нынешнего этапа модернизации России¹. Как пишет Е. Ясин: «...успех модернизации зависит в значительной мере от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения по сути образуют не только условие успеха модернизации, ее социальный контекст, но и... ее наиболее глубинное содержание: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей» [15, с. 4]. Продуктивная культура, которую должно воспринять российское общество, как подчеркивает Е. Ясин вслед за М. Вебером и другими классиками, включает отношение к богатству как результату личной инициативы, положительное восприятие конкуренции, склонность к экономической целесообразности, выраженной в бережливости и инвестиционной активности, отношение к труду как к общественному долгу и главной форме самовыражения, восприятие инакомыслия как формы поиска истины, а жизни как того, что человек делает сам [15].

О том, насколько эти качества, необходимые для успешного развития российской экономики, сегодня дефицитны, свидетельствуют опирающиеся на эмпирические данные исследования многих специалистов. Упомянем, например, анализ качеств русского работника, осуществленный О. Шкартаном и В. Карачаровским [16], свидетельствующий о недостаточной организованности, дисциплинированности, способности к освоению современной техни-

---

¹ На первом из выделяемых Е. Ясиным этапов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. началось становление рыночной экономики с ориентацией на опыт западных стран. На втором этапе после кризиса 1998 г. начался экономический рост и завершилось создание рыночной инфраструктуры, включая все финансовые учреждения: банки, страховые компании, биржи, консалтинговые, маркетинговые и т.п. рыночные структуры. Однако, как подчеркивал Е. Ясин, все они в итоге отличались от того, что планировалось сформировать изначально по западным образцам.

ческой и гуманитарной культуры основной массой российского населения. На то, что не только производственная, но и бытовая культура россиян также отличается своим традиционалистским характером, находящим отражение в нормах общественного сознания и определенных поведенческих образцах, обращали внимание многие российские исследователи [12; 14; 15; 17; 18 и др.].

К выводу о нахождении России на достаточно ранних этапах социокультурной модернизации приводит и изучение трудовых ценностей российского общества и их динамики, осуществленное В. Магуном (см., например, [19, с. 80–95; 20]). Им продемонстрировано, что в России в настоящий момент идут активные изменения в сфере отношения к работе вообще и трудовой мотивации в частности, вектор которых, хотя и направлен на уровне декларируемых ценностей в сторону протестантской этики, скорее просто отражает прагматичное приспособление россиян к новым реальностям российской жизни, чем глубинные сдвиги в их сознании. При этом даже идущие изменения явно отстают по темпам от потребностей экономики. Тем не менее, если в начале 1990-х гг. в российском обществе были широко распространены ценности работы как способа общения и социального служения, и при этом наблюдалось безразличие к ценностям индивидуальной карьеры, то уже к середине 1990-х гг. начала расти роль достигательных ценностей, уважения к работе со стороны окружающих, хорошего заработка, надежности места работы и снизилось стремление иметь большой отпуск. Это свидетельствует об активизации стремлений работника к стабильным вознаграждениям (денежным и моральным) и одновременно об активизации его готовности платить за все это результативным трудом – проблема лишь в том, что подобное отношение к работе так и не стало пока нормой для большинства россиян.

Причины трудностей в усвоении россиянами нового восприятия работы и новых моделей поведения в этой сфере детально анализируются в работах Н. Зарубиной [21, с. 11]. Она показыва-

ет, что основная особенность хозяйственной культуры России, сформировавшаяся в течение веков в значительной степени под влиянием православия, состоит в слабости «срединной» культуры, что приводит к постоянной борьбе крайностей, переходящих одна в другую без промежуточных звеньев. Кроме того, неоднозначно и малоэффективно для развития экономики индустриального типа и отношение россиян к базовым ценностям хозяйственной культуры эпохи модерна – труду, практицизму, богатству.

А это значит, что достижение конкурентоспособности России на международной арене невозможно без завершения социокультурной модернизации. Под последней мы понимаем прежде всего процесс движения индивида от традиционного к модернизированному типу личности и от культуры традиционного общества к культуре «модернити», которая отличается приверженностью европейскому рационализму, стремлением к росту материального богатства и техническому прогрессу, отношением к природе как объекту приложения своих сил и знаний и т.д. Ее отличают, как справедливо подчеркивал В. Красильщиков, «идея социального равенства и личной свободы, индивидуализм, готовность человека к постоянным переменам в производстве, потреблении и образе жизни, в правовых нормах, политических институтах и моральных ценностях, как и желание быть инициатором таких перемен... “Модернити” – это покорение человеком пространства и уплотнение времени, ускорение развития» [22, с. 23]. Идеальную модель представителя культуры модернити В. Красильщиков описывает как «многомерного человека», для которого такой мотив к труду, как высокая заработная плата, перемещается с первого-второго места, которое он занимал еще три-четыре десятилетия назад, на пятое-седьмое среди других мотивов к труду, пропустив вперед содержание труда, возможность самореализации, перспективы профессионального и социального роста, психологический микроклимат в фирме и др. [22, с. 89]. Труд для него – свободная творческая деятельность человека в области науки, культуры, информации и производства самого человека.

Мы привели это описание столь подробно, поскольку именно работы В. Красильщикова очень характерны для специфической российской традиции анализа признаков социокультурной модернизации, где модернизация *утрачивает специфические особенности перехода от обществ традиционного типа к современным и приобретает черты, свидетельствующие о переходе современных обществ к новому этапу их развития – от модерна к постмодерну, от индустриального к постиндустриальному*. Это вполне естественное для страны смешение, где процессы перехода от традиционной культуры к культуре модерна и постмодерна проходят практически одновременно, значительно осложняет, однако, дальнейший анализ проблематики модернизации российского общества и прежде всего – эмпирический анализ того ее этапа, на котором находится сейчас Россия. А именно такой эмпирический анализ, причем не только производственного поведения или трудовых мотиваций россиян, но и их ценностей, установок, самоидентификаций и представлений о мире в целом, выходит сейчас на первый план как центральная задача социологов, занимающихся этой проблематикой.

Пока таких исследований сравнительно немного. Наряду с уже упоминавшимися выше исследованиями [8; 11; 12] среди работ российских социологов последних лет надо прежде всего упомянуть исследования динамики самоидентификаций В. Ядова [23], а также многолетние масштабные исследования Н. Лапина, который рассматривает современную российскую ситуацию в рамках концепции социокультурной трансформации. Социокультурной трансформацией он называет «преодоление традиционализации (советского и досоветского типов) и завершение ранней либерализации российского общества, начавшейся еще в середине 19 века» [24, с. 48]. Традиционализацию он рассматривает как институционализацию элементов культуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных

их действий, а либерализацию – как расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, включения в нее новых интегрирующих элементов в соответствии с усложнением личности, т.е. фактически как модернизацию в ее классическом варианте.

Исследование ценностей россиян, проводимое Н. Лапиным, позволяет проследить их динамику с 1990 г. до настоящего времени. Судя по его результатам, об укорененности либеральных ценностей в России говорить пока рано. Можно лишь констатировать переходный характер системы ценностей, медленно сдвигавшейся в 1990-х гг. в сторону либерализма, но в последнее время остановившейся в этом дрейфе. В результате в культуре российского общества в настоящий момент сосуществуют как либеральные, так и традиционные ценности, уходящие корнями еще в досоветский период. Причем перемены касаются в первую очередь ценностей инструментального типа (ценностей-средств) – в ответ на новые условия жизни изменяются, прежде всего, представления о путях достижения поставленных целей и о необходимых для этого качествах индивида. Что же касается терминальных ценностей (ценностей-целей), то они остаются в основном традиционными. Характерной особенностью его исследования выступает изучение наряду с динамикой ценностей в рамках оппозиции традиционные – модернизированные также динамики общечеловеческих ценностей.

На той же эмпирической базе проводились и исследования Л. Беляевой [25], выводы которой, впрочем, несколько более оптимистичны особенно по отношению к динамике ценностей среднего класса, в которых она зафиксировала весьма существенные сдвиги. По ее мнению, в российском обществе происходит массовая рационализация системы ценностей – отказ от прежних идеологических мифов в пользу рациональных аргументов и утилитаризма. Большую распространенность получают такие цен-

ности современного западного общества как свобода, независимость, инициативность, при этом менее выраженными становятся ценности традиционного общества, такие как самопожертвование, следование традициям, вольность.

Еще одно эмпирическое исследование, затрагивающее вопросы соотношения традиционных и модернизационных ценностей в российском обществе, было проведено по разработанной И. Клямкиным [26] программе на основе выборки ВЦИОМ в 2002 г. Исследование было направлено на выявление соотношения сторонников также трех групп ценностей, но уже традиционных, советских и либеральных. Интересным результатом этого исследования стало то, что ценности, которые И. Клямкин первоначально идентифицировал как советские и традиционные, становятся все менее различимы между собой, но при этом присутствуют у большинства населения. Вдобавок либеральные ценности находят поддержку прежде всего среди молодежи. Сходные результаты были получены и нами при изучении особенностей экономического сознания и поведения россиян (см. [27]).

Более детально понять механизм вытеснения одних ценностей другими позволяют исследования степени модернизированности сознания и поведения россиян, проводившиеся представителями психологической науки – Н. Касьяновой [28], Н. Лебедевой [29; 30; 31] и др. Так, Н. Лебедева на основе результатов сравнительного анализа данных 1999-го и 2005 гг. пришла к выводу, что в ценностной структуре россиян меняется относительная значимость различных ее блоков. По ее мнению, разные блоки ценностей потенциально могут способствовать или препятствовать экономической и политической модернизации России. В планировании и осуществлении экономической модернизации, с ее точки зрения, целесообразно опираться, например, на такие значимые для россиян ценностные блоки, как «самореализация» (под которой она подразумевает такие ценности, как достижение успеха, интеллект, ответственность, выбор собственных целей, уме-

лость, независимость, широта взглядов, честолюбие, любознательность) или «господство» (власть, авторитетность, влияние).

Таким образом, российскими специалистами за последние годы была проделана большая работа по освоению и развитию потенциала концепции модернизации. От отрицания применимости ее к России, с одной стороны, и ее упрощенной трактовки в духе вестернизации с другой, многие из них перешли к более глубокому ее пониманию, при котором социокультурная модернизация рассматривается как ключевой компонент завершения общего процесса модернизации в России. Был также получен значительный эмпирический материал, характеризующий особенности протекания процесса социокультурной модернизации в России.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что попытки отождествления модернизации и вестернизации, с которых началось полвека назад оживление интереса к концепции модернизации, потерпели сокрушительное фиаско, что едва не увлекло в пучину небытия и саму эту концепцию. Но она не только выжила, но и продолжила свое развитие, оставаясь теоретическим инструментом анализа ситуации во многих странах мира. К числу последних относится и Россия, где особый интерес вызывает проблематика социокультурной модернизации. Это важно подчеркнуть, поскольку именно этот аспект проблематики модернизации вышел на первый план и на нынешнем этапе развития концепции модернизации в целом. Причем характерный для этого, пятого этапа ее развития, вариант самой концепции модернизации столь сильно отличается от варианта, бытовавшего еще 30 лет назад, что часто характеризуется уже как неомодернизационная теория.

Если говорить о вкладе российских ученых в разработку этой теории, то можно утверждать, что ими сделано уже немало и в теоретическом, и в эмпирическом плане. В теоретическом плане наиболее интересные результаты связаны с начинающимся анализом одновременного протекания процессов перехода к ценностям модерна и постмодерна, что характерно именно для российс-

кого общества с его высоким образовательным уровнем населения, а также значимостью в глазах населения образования и интересной работы безотносительно к экономической отдаче от них. Значимы и выводы о постепенном размывании усвоенных в советский период и опиравшихся на определенную идеологию ценностей, а также картина сравнительной динамики общечеловеческих, традиционных и либеральных ценностей в период их массовой трансформации.

В плане же поиска ответа на вопрос, на каком этапе социокультурной модернизации находится сейчас российское общество, наибольший интерес представляют полученные за эти годы данные об особенностях трудовой мотивации россиян, устойчивости традиционалистского характера их терминальных ценностей, о точках локализации размывания этих ценностей (как в плане социальных субъектов, способных выступить проводниками новых ценностных и поведенческих моделей, прежде всего среднего класса, так и в смысле определенных блоков ценностей на индивидуальном уровне), позволяющие охарактеризовать нынешний этап социокультурной модернизации России как близкий к начальной фазе несмотря на достаточно далеко зашедшие процессы экономической, социальной и культурной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eisenstadt S.* Modernization: Protest and Change and Development. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
2. *Moore W.* Social Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
3. *Outhwaite W., Ray L.* Social Theory and Postcommunism. Blackwell Publishing, 2005.
4. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
5. *Eisenstadt S.N.* Studies of Modernization and Sociological Theory // History and Theory. 1994. Vol. 13. No. 3.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
7. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь (The Penguin Dictionary of Sociology). М.: Экономика, 2004.
8. *Тихонова Н.Е.* Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

9. Российский статистический ежегодник: 2005. М.: Росстат, 2006.
10. Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.
11. *Тихонова Н.Е.* Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6.
12. *Тихонова Н.Е.* Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1.
13. *Вассерман Ю.М.* Российские политические и экономические элиты: попытка анализа социокультурной межпоколенческой динамики: Материалы конференции «Российские политические и экономические элиты в условиях консолидации власти» // <http://elis.pstu.ru/vasserman.htm>.
14. *Нуреев Р.М.* Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева: В 3 ч. 2-е изд., испр. и доп. М.: МОНФ, 2003.
15. *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей // *Вопросы экономики*. 2003. № 4.
16. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура: Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // *Мир России*. 2002. № 1.
17. *Латин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // *Социологические исследования*. 2003. № 6.
18. *Кирдина С.Г.* Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // *Постсоветский институционализм* / Под ред. проф. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005.
19. *Магура М.И., Магун В.С.* Шкала протестантской трудовой этики и опыт ее применения в российских организациях // *Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент* / Под ред. А.Е. Чириковой. М.: Институт социологии РАН, 2000.
20. *Магун В.С.* Об изменениях трудовых ценностей российского населения // *Куда идет Россия?: Власть, общество, личность*. М., 2000.
21. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998.
22. *Красильщиков В.А., Гутник В.П. и др.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Агентство «Инфомарт», 1994.
23. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
24. *Латин Н.И.* Социокультурная трансформация современной России // *Вестник РГНФ*. 2002. № 1.
25. *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
26. *Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века

---

27. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2006.

28. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.

29. *Лебедева Н.М.* Архетип личности в русской культуре // <http://www.cisdf.org/TRM6/lebedeva6.html>.

30. *Лебедева Н.М.* Русский национальный характер // <http://www.cisdf.org/TRM1/Lebedeva.htm>.

31. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Лимарь Д.В.* Динамика ценностей русской культуры и их влияние на модернизацию // Доклад на VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство». Москва, ГУ-ВШЭ, 4-6 апреля 2003 г. М., 2003.